

18+

Тимофей Войтенко

Правила забытых теней

Том 1

Тимофей Войтенко

Правила забытых теней. Том 1

«Издательские решения»

Войтенко Т.

Правила забытых теней. Том 1 / Т. Войтенко — «Издательские решения»,

Последний день лета. Семеро подростков, изнывающих от скуки, решают залезть в заброшенную десятиэтажку на окраине города. Местные называют её проклятой. Говорят, в девяностых там исчезла целая семья, а позже — десятки других людей. Но разве можно верить городским легендам? «Правила забытых теней» — первый том трилогии, которая не даст вам спать по ночам. Это история о том, как страх становится домом, дом становится чудовищем, а чудовищем в итоге можешь стать ты сам.

© Войтенко Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Точка отсчета	6
ГЛАВА 2	13
отражения	13
Глава 3	17
Порог	17
ГЛАВА 4	19
ПЕРВАЯ НОЧЬ	19
ГЛАВА 5	21
Слёзы камня	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Правила забытых теней

Том 1

Тимофей Войтенко

© Тимофей Войтенко, 2026

ISBN 978-5-0069-6214-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-2950-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Правила забытых теней

1 том

ЗАБЫТЫЕ ТЕНИ» Трилогия Книг:

- 1. «Правила забытых теней»**
- 2. «Тени прошлого»**
- 3. «Последний рубеж»**

Глава 1

Точка отсчета

воздух в конце августа пах пылью, спелыми яблоками и тихим отчаянием. Отчаянием, подумал Даня, растянувшись на спине в сухой, колючей траве пустыря, потому что настоящая свобода всегда заканчивается именно так — осознанием, что ты потратил ее впустую. Солнце, багровое и расплывчатое, как акварельное пятно, медленно тонуло между серыми панельками спального района. От его лучей металлический каркас старой качели, на которой когда-то катался еще его отец, отбрасывала длинную, уродливую тень. Она тянулась через весь пустырь, прямо к забору с прогнившими досками, за которым стояло самое уродливое здание на свете. Десятиэтажка на Орлиной, 10. Местный монстр. Притча во языцех. Даня прикрыл глаза, чувствуя, как тепло уходящего дня приливает к векам. Где-то кричали дети, играя в догонялки. Где-то хлопала дверь подъезда. Обычный вечер. Последний обычный вечер.

— Клиническая смерть мозга, — раздался голос Ромы. — Констатирую в восемнадцать сорок три. Причина — острая нехватка событий. Если в течение пяти минут не произойдет инъекции адреналина, наступит полный распад личности.

Даня не открывал глаз. Он знал, что Рома балансирует на ржавой железной балке, оставшейся от какой-то недостроенной детской горки. Знал, что Ярослав в двух шагах от него, методично строгаёт палку перочинным ножом. Знал, что Никита сидит, свернувшись калачиком, и тихо дышит себе в колени. А еще он знал, что Катя лежит в метре от него, по ту сторону невидимой, но осязаемой границы. Он чувствовал ее присутствие кожей. Как тихое магнитное поле.

— Инъекцию можно сделать внутривенную, — отозвалась Катя. Ее голос был низким, немного хрипловатым от долгого молчания. — Препарат «Рома, заткнись». Побочный эффект — тишина и всеобщее ликование.

Даня усмехнулся про себя. Он приоткрыл один глаз, и солнечный луч, пробиваясь сквозь ресницы, раздробился на миллион искр. В этом сияющем мареве он увидел ее волосы. Они были растрепаны ветром и разметались по поблекшей траве, как расплавленная медь. Одна прядь упала ей на щеку, и ему дико захотелось протянуть руку и убрать ее. Он, конечно, не сделал этого. Между ними был всего метр. И целая пропасть. Эта пропасть возникла месяц назад, на выпускном. Вернее, не возникла, а проявилась, как проявляется фотография в химикатах. Они танцевали под какую-то заунывную балладу, потому что больше не с кем было. Потому что все уже разбилось по парам, а они остались — он, застенчивый и вечно все продумывающий, и она, колючая и язвительная, спрятавшая свою неуверенность за броней сарказма. Он помнил, как пахли ее волосы — клубничкой и дымом от костра, на котором они жарили зефир неделей ранее. Помнил, как ее рука лежала у него на плече, легкая и в то же время невыносимо тяжелая. Помнил, как их взгляды встретились и застряли, и в глазах Кати, всегда таких насмешливых, он увидел ту же растерянность, что клубилась у него в груди. А потом песня кончилась. Они отпрянули друг от друга, как от раскаленной плиты. Что-то промямлили. Разбежались. И с тех пор этот метр между ними стал то бесконечностью, то смешной условностью, которую боялся разрушить каждый.

— Распад личности — это слишком оптимистично, — флегматично произнес Ярослав.

Даня открыл второй глаз и повернул голову. Ярослав сидел, прислонившись спиной к бетонному основанию качели, и его перочинный нож с мягким шуршанием снимал с березовой ветки длинные, аккуратные стружки.

— Я предлагаю более радикальное лечение. Физическое. Один удар — и сознание перезагружается. Гарантия тишины на пятнадцать минут. — Не поможет, — тихо, почти шепотом, сказал Никита. Он сидел, обхватив колени руками, и его худенькая спина была сгорблена, будто под невидимой тяжестью.

— Тоска... она ведь не снаружи. Она тут. — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Она как... фоновый шум. Тихий, но постоянный. И от него никуда не деться. Он потянулся к клетчатому пластиковому пакету, стоявшему рядом, и достал оттуда аккуратную коробочку, перевязанную бечевкой. — Печенья, кто хочет? Мама сегодня пекла.

Он произнес это с такой наивной, трогательной надеждой, что у Дани сжалось сердце. Никита всегда был таким — тихим пристанью в их шумной компании. Тот, кто приносил еду, кто утешал, кто замечал, если кому-то плохо. Его доброта была безоружной и потому особенно хрупкой. Печенье взяли только Настя и Даня. Настя — потому что никогда никому не отказывала, стараясь сохранить мир. Даня — потому что хотел поддержать Никиту.

— Спасибо, Никит, — сказала Настя, бережно разламывая круглую песочную половинку. Ее улыбка была мягкой, успокаивающей. — Ты наша совесть и наш продовольственный атташе. Без тебя мы бы давно умерли от голода в духовном и физическом смысле.

Она сидела, поджав под себя ноги, и ее светлые волосы были собраны в небрежный хвост. Настя была гением компромисса. Когда ругались Катя и Рома, она находила слова, которые остужали пыл. Когда Ярослав лез на рожон, она осторожно оттягивала его за рукав. Она верила в логику, в диалог, в то, что все проблемы можно решить, если просто спокойно поговорить. Даня ценил ее за это. Она была клеем, который скреплял их разношерстную компанию.

— Продовольственный атташе, — фыркнул Рома, спрыгивая с балки. Облако рыжей пыли поднялось у его ног и медленно поплыло в сторону заката. — Великолепно. Пока он раздает печенье, наша молодость тихо скукоживается от неостребованности. Нам нужен финал, ребята! Грандиозный, эпический финал лета! Нечто, о чем мы будем вспоминать в ноябре, когда за окном слякоть и душа ноет по ушедшему солнцу. А не о печенье!

Он встал в театральную позу, обводя взглядом компанию. Его глаза, всегда блестящие азартом и легкой бедовой искрой, остановились на томном силуэте за забором.

— Взгляните! — Он протянул руку, словно представлял публике великого иллюзиониста. — Наш естественный враг. Наш финальный босс. Заброшенная крепость на Орлиной, десять. Легенда городского фольклора.

Все, даже Катя, повернули головы. Дом стоял, поглощая последние лучи солнца. Его окна были слепыми, черными глазницами. Штукатурка облупилась, обнажив кирпичную кладку, похожую на стружку. На стене, обращенной к пустырю, чьей-то нетвердой рукой было выведено баллончиком: «Не входить. Смерть». Буквы поплыли от дождей, превратившись в зловещие, нечитаемые руны.

— Легенда о крысах и плесени, — равнодушно произнесла Катя, снова опускаясь на спину. Но Даня заметил, как ее взгляд на секунду задержался на темном провале подъезда.

— Говорят, там даже бомжи не ночуют. Слишком сыро и пахнет безнадегой.

— Тем лучше! — воскликнул Рома, загораясь. — Значит, место чистое! А история... О, вы слышали историю?

Он понизил голос, приобретая таинственный, заговорщический тон. Настя вздохнула, предчувствуя очередную страшилку. Никита съезжился еще сильнее. Ярослав перестал строгать и насторожился.

— Девяностые годы. В эту самую десятую квартиру на пятом этаже вселяется молодая семья. Муж, жена, маленькая дочь. Живут тихо. А через полгода — раз!

Рома хлопнул в ладоши, заставив Никиту вздрогнуть. — Исчезают. Все трое. Не собрали вещи. Не попрощались с соседями. Просто... испарились. Милиция, говорят, ничего не нашла. Ни следов борьбы, ни тел. Пустая квартира.

Ветер, гулявший по пустырю, внезапно усилился, завыв в ржавых ребрах качели. Тень от дома стала длиннее, почти дотянувшись до них.

— А потом, — продолжал Рома, наслаждаясь вниманием, — туда повадилась всякая шваль. Бродяги, панки, сатанисты, ищущие место для своих обрядов. И знаете что? Многие из них... тоже переставали выходить. Местные ребята говорили, что иногда ночью в тех окнах видели свет. Свечение, такое зеленоватое, мертвенное. А утром — опять тишина и пустота.

Он закончил. Наступила пауза, наполненная только свистом ветра в ушах. — Бред, — первой нарушила тишину Катя, но в ее голосе не было прежней уверенности. — Городские сказки для впечатлительных идиотов. — Может, и бред, — парировал Рома. — Но факт в том, что мы, выросшие на хоррорах и экшенах, ни разу не столкнулись с реальным вызовом. Вот он. Прямо перед нами. Испытание на прочность. Не в виртуальной реальности, а в самой что ни на есть настоящей.

Ярослав встал, отряхивая стружки с джинсов. В его движениях была твердая, решительная плавность.

— Дверь наглухо заварена, — констатировал он. — Проверял на прошлой неделе. — Значит, есть другие входы, — не сдавался Рома. — Разбитое окно на уровне первого этажа. Люк в подвал. Мы же не просто так все детство лазили по стройкам и чердакам? Навыки должны же на что-то пригодиться. Это наш выпускной экзамен. Экзамен на право называться не скучными овощами, а хоть кем-то. Даня смотрел на дом. На эти черные глазницы-окна. В них было что-то гипнотическое. Звало. И одновременно предостерегало. Он чувствовал холодок у основания черепа — древний, животный инстинкт, кричащий «беги». Но он также чувствовал взгляд Кати. Она смотрела на него. Ждала. И тогда Даня поднялся. Трава зашуршала под его ногами.

— Пошли, — сказал он просто. Все обернулись к нему. Удивление, одобрение, тревога — все смешалось в их взглядах.

— Что? — переспросил Рома, не веря своему счастью.

— Сказал — пошли, — повторил Даня, отряхивая штаны. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу, но голос его звучал ровно. — Не забираться же нам на верхние этажи. Просто... посмотрим. На пять минут. Чтобы лето закончилось не здесь, не на этой пустой поляне, а на какой-то... черте. Пусть даже глупой.

Он наконец встретился взглядом с Катей. Она смотрела на него пристально, изучающе. Искала в его глазах сомнение, бравату. Но он смотрел прямо. Потом ее губы дрогнули. Не в улыбке. В чем-то более сложном. В уважении? В вызове?

— Пять минут, — четко проговорила она, поднимаясь. — Только до порога. И если там пахнет хотя бы намеком на реальную опасность — не на выдуманную Ромой, а на настоящую — мы разворачиваемся и уходим. Мгновенно. Без споров. Договорились?

— Договорились! — сразу же согласился Рома, уже подбегая к забору в поисках дыры.

— Ладно, — вздохнул Ярослав, сунув заточенную палку за пояс. — Раз уж так.

— Ой, ребята, — простила Настя, но тоже встала, пыля колени. Никита молча кивнул, побледнев, но послушно потянулся за своим пакетом. Даня шагнул вперед. Когда он поравнялся с Катей, она слегка задела его плечом. Намеренно? Случайно?

— Лидер, — тихо бросила она, и в этом одном слове прозвучала не насмешка, а что-то теплое. Почти нежность. И этот легкий толчок, это слово стали тем топливом, тем глупым мужским поводом, который заставил его заглушить внутренний тревожный вой. Он кивнул и пошел вперед, к дыре в заборе, которую уже нашел ликующий Рома. Они шли через пустырь, и трава хрустела под ногами, как тонкий лед. Тень от дома накрывала их, холодная и тяжелая. Солнце, спрятавшееся за крышей, окрасило небо в нездоровый, лилово-багровый цвет. Лето, настоящее, беззаботное лето, кончилось прямо сейчас, в этот миг. Пять минут, думал Даня, глядя на темный, словно склеенный из самой ночи, провал подъезда. Всего пять минут. Он не знал, что это последний раз, когда он чувствует ветер на лице как просто ветер, а не как послание извне. Последний раз, когда он видит закат просто как красивую картинку, а не как предзнаменование. Последний раз, когда думает о завтрашнем дне. Час спустя он бы отдал все — эту глупую гордость, этот миг одобрения в глазах Кати, все свои мечты о будущем — лишь бы вернуть эти пять минут. Вернуться на эту скучную, безопасную, бесценную поляну, где пахло пылью и яблоками, а не страхом. Но обратного пути не было. Они уже подходили к черному зеву подъезда.

Правило №0, которое они узнают слишком поздно: никогда не входи туда, куда тебя так настойчиво зовут.

Дыра в заборе оказалась узкой, будто ее проломил нарочно. Рома протиснулся первым, его темная куртка зацепилась за ржавую проволоку с противным скрежетом.

— Проход есть! — его голос, приглушенный забором, прозвучал торжествующе. — Добро пожаловать на темную сторону! Один за другим они пролезли внутрь. Даня пропустил вперед Настю и Никиту, машинально придерживая отогнутый лист металла, чтобы он не задел Катю. Когда она наклонилась, ее волосы пахли клубничным шампунем и чем-то еще — теплым и знакомым. Этот запах на секунду перебил запах сырости и запустения. Они стояли на узкой полосе вытоптанной земли между забором и глухой бетонной стеной дома. Тишина здесь была иной — глухой, давящей. Звуки улицы доносились словно из-за толстого стекла, искаженные и чужие. Сам дом вблизи казался гигантским надгробием. Грубая кладка, потрескавшаяся и покрытая зеленоватым мхом у самого основания. Окна первого этажа были забиты фанерой, но одно, ближе к углу, зияло черным провалом.

— Итак, — Рома потирал руки, — основной вход заварен. Но вот он идеальный лаз. Низко. Удобно. Ярослав подошел первым. Заглянул внутрь, щелкнул фонариком-брелком. Луч света прорезал темноту.

— Пусто. Пол в хламе и пыли. Высота — метр. Прыгать можно. — Я не прыгаю первой, — тут же заявила Катя. — Кто предложил — тот и лезет. Рома, не дожидаясь, ловко ухватился за подоконник и скользнул внутрь. Через секунду его лицо появилось в проеме, освещенное снизу экраном телефона.

— Все чисто! Темно как в душе, но пол есть. По одному! Ярослав помог забраться Насте. Та, поморщившись, протиснулась внутрь. За ней — Никита, которого Ярослав буквально впахнул в окно. Потом Ярослав сам перемахнул через подоконник с тихой легкостью. Остались Даня и Катя. Она смотрела на черный проем, и в свете угасающего дня Даня увидел, как сжались ее губы. Не страх. Скорее, предельная сосредоточенность.

— После тебя, — сказал он. Катя бросила на него быстрый взгляд. — Рыцарство? В наше время? Удивительно.

— Не рыцарство, — честно ответил Даня. — Просто если ты сломаешь ногу, я тебя вытащу. А если я сломаю — ты меня не вытащишь. Это вырвало у нее короткий, хриплый смешок.

— Логично. Признаю. Она подошла к окну, примерилась. Даня, следуя внезапному порыву, сложил ладони замком, чтобы дать ей опору. Катя на мгновение замерла, потом кивнула, поставила ногу в его руки и легко взлетела на подоконник. Она зависла там на секунду, силуэт на фоне лилового неба, а потом исчезла внутри. Даня вдохнул. Он всегда был последним. Старая привычка — убедиться, что все прошли. Он схватился за холодный бетон подоконника, почувствовал под пальцами шершавую поверхность и острую кромку отколовшейся плитки. Оттолкнулся. Внутри пахло. Не просто сыростью и пылью. Пахло застоявшимся временем. Сладковатым духом старой бумаги, едкой химической нотой разбитых ламп, уксусной кислотой разложения. И под всем этим — холод. Не зимний, а внутренний, костяной холод помещения, которое годами не знало тепла. Лучи фонариков метались по просторному помещению. Это был бывший холл. На стенах — пятна плесени, расплывающиеся причудливыми архипелагами. Пол покрыт слоем серой пыли, в которой виднелись четкие следы — их собственные и другие. Более крупные, стоптанные.

— Офисный центр? — предположила Настя.

— Жилой дом, — поправил Ярослав, светя на стену, где угадывались контуры покрашенной двери. — Но первый этаж, видимо, был под конторы. Он указал лучом на груды гниющего ДСП — бывшую стойку. На ней валялся осколок зеленого стекла от массивной пепельницы.

— Уютненько, — процедила Катя, светя себе под ноги. — Прямо как в моих кошмарах. Никита стоял, прижавшись спиной к стене у окна. Он не светил фонариком, а просто сжимал телефон в руке, белый от костяшек.

— Так, — Даня заставил себя говорить спокойно. Голос отдавался в пустоте странным эхом. — Пять минут. Осматриваем только этот холл. Никуда не углубляемся. Рома, не отходи далеко.

— Да-да, капитан, — буркнул Рома, но его фонарик уже шарил по дальнему концу зала, где темнел проем в коридор и зияла прямоугольная дыра лифтовой шахты. Двери лифта отсутствовали. Даня подошел к центру зала. Пыль лежала ровным слоем, как пепел. И на ней... он наклонился. Рядом со свежими следами их обуви виднелись другие отпечатки. Ботинки с грубым протектором. И много-много мелких, хаотичных точек.

— Крысы, — спокойно сказал Ярослав, подойдя сбоку. — Крупные. Следов много, свежих. Значит, они тут есть.

— Прекрасно, — вздохнула Катя. — Мне всегда нравились переносчики чумы. Добавляет антуража.

— А что это? — позвала Настя. Она стояла у стены и светила на полку, вмурованную в стену. На ней стояли несколько предметов, странно свободных от пыли. Пустая бутылка из-под портвейна с оплавленной свечкой внутри. Три ржавых гвоздя, сложенных треугольником. И смятая черно-белая фотография. Даня подошел ближе. На фотографии, выцветшей и потрескавшейся, была изображена семья. Мужчина, женщина и девочка лет пяти. Они стояли на фоне парка, улыбались. Но что-то было не так. Лица были смазаны, будто их старательно терли пальцем. А на обратной стороне, когда Настя перевернула снимок, было выведено синими чернилами: «Простите нас».

— Жутковато, — сказала Настя, но голос ее дрогнул. Она быстро положила фотографию на место.

— Чьи-то глупые игры. — Игры? — Рома подскочил к ним. — Это же алтарь! Классика! Сатанисты, я же говорил! — Алтарь из бутылки «Агонта» и гвоздей,

— язвительно заметила Катя. — Очень убедительно. Но шутка не удалась. Воздух, казалось, сгустился. Тишина стала звенящей. Далекий уличный гул пропал совсем. Оставался только шорох их дыхания и далекий звук... капель? Сверху, из темноты лифтовой шахты.

— Ладно, — Даня почувствовал, как холодок у основания черепа превращается в ледяную струйку по позвоночнику. — Хватит. Время вышло. Пора назад. Он обернулся к окну. Оно было по-прежнему там, серый прямоугольник сумеречного света. Но между ними и им теперь лежало все пространство зала, внезапно показавшееся огромным.

— Уже? — разочарованно протянул Рома. — Мы же толком ничего не увидели!

— Мы договорились, — жестко сказала Катя. Ее фонарик был направлен на окно. Она сделала первый шаг. И в этот момент Никита вскрикнул. Коротко, сдавленно. Все фонарики рванулись в его сторону. Он стоял у стены, но теперь его лицо, освещенное снизу светом экрана, было искажено чистым ужасом. Он смотрел вверх, вдоль стены, в темноту потолка. — Т-т-т.. — его зубы выбивали дробь. Он поднял дрожащую руку и указал пальцем. Даня поднял луч своего фонарика. Свет скользнул по грязной стене, по пятнам плесени... и наткнулся на него. Над дверным проемом, на высоте около трех метров, сидело что-то. Сидело на карнизе, поджав длинные, тонкие конечности. Свет выхватил лишь часть: лоскут грязной ткани и бледное, вытянутое пятно, которое могло быть лицом. Глаз не было видно. Но было чувство — оно смотрело. Время остановилось. Потом оно пошевелилось. Плавно, с едва слышным скрипом. Его голова на неестественно длинной шее наклонилась набок.

— На... выход, — выдавил из себя Даня, и его голос прозвучал чужим шепотом. — Медленно. Не бежать. Ко мне. Они поползли, пятясь к окну, не отрывая взглядов от фигуры над дверью. Лучи фонариков танцевали по ней, но не могли осветить полностью. Рома первым достиг окна, вылез наружу. За ним — Настя, которую Ярослав вытолкнул. Никита двигался как сомнамбула. Ярослав схватил его за куртку и потащил к выходу. Даня и Катя отступали последними. Катя шла спиной к нему, положив ему свободную руку на плечо, ее фонарик был направлен на существо. Оно не двигалось. Только следило. Ярослав втиснул Никиту в окно и вылез сам.

— Давайте! Быстро! Катя развернулась, вскочила на подоконник. Даня сделал последний шаг назад. Его фонарик на мгновение опустился. И в этот миг он услышал. Не ушами. Костями. Низкий, вибрирующий звук. Словно кто-то провел смычком по самой нервам. И в этом звуке было... приглашение. Он рванулся к окну, уда-

рился коленом, вывалился наружу. Сразу за ним выскочила Катя. Они лежали на земле, задыхаясь.

— Что это было? — шепотом спросила Настя. Она тряслась. — Птица? Кукла?..

— Не птица, — хрипло сказал Ярослав, оглядываясь на черный квадрат окна. — И не кукла. Они молча смотрели на дом. Он стоял безмолвно. Ничего не двигалось в проеме.

— Пошли, — сказал Даня, поднимаясь. — Быстро. Отсюда. Они почти бежали к забору, не оглядываясь. Только когда выскочили на пустырь, почувствовали слабость в ногах.

— Я.. я домой, — тихо сказал Никита.

— Да, — кивнула Настя. — Всем домой. Завтра... поговорим. Они разошлись, не прощаясь. Катя задержалась на секунду.

— Дань, — позвала она тихо. Он обернулся. — Ты тоже это видел, да? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Видел. Она кивнула, коротко, резко. Потом повернулась и пошла. Даня остался один. Ветер снова зашумел в траве. Но что-то изменилось. Мир стал тоньше. И сквозь эту тонкую пленку нормальности теперь проглядывало что-то иное. Он вздрогнул, когда телефон завибрировал в кармане. Сообщение от мамы: «Ужин на столе. Во сколько будешь?». Он посмотрел на эти слова. Потом поднял глаза на темный силуэт десятиэтажки. Окна были слепы. Он набрал ответ: «Скоро. Задержался». И пошел домой, чувствуя на спине тяжелый, неотступный взгляд, которого, по логике вещей, не могло быть.

ГЛАВА 2

отражения

Солнце билось в окно, настырное и плоское, вытягивая из-под век Дани липкие остатки ночного кошмара. Он открыл глаза. Потолок. Обычный, с мелкой паутиной в углу. Его потолок. Его комната. Он лежал неподвижно, слушая, как за стеной возится на кухне мама, звенит посудой. Обычное утро. Но все было неправильным. Воздух казался густым, как сироп. Звуки — приглушенными, будто доносились из-под воды. А в груди сидело тяжелое, холодное ядро, оставшееся от того мгновения в холле, когда свет фонаря выхватил из тьмы это. Он сел на кровати. На колене, прямо над чашечкой, красовалась ссадина — края запеклись коричневой корочкой, синяк вокруг отливал сине-желтым. Доказательство. Не сон. Он ударился о бетонный подоконник, выбираясь наружу. Физическое подтверждение того, что пять минут вчерашнего вечера были реальны. Даня потрогал ссадину. Боль была тупой, далекой. Настоящей. За завтраком мама сразу насторожилась. — Ты как? На лицо воды не хватило? — Нормально, — буркнул он, утыкаясь в тарелку с глазуньей. Желтки смотрели на него упрекающими глазницами. — Как прогулка вчера? Весело было? — мама поставила перед ним стакан чая. Парок столбом поднялся в солнечный луч. — Да нормально, — повторил он и почувствовал, как слово «нормально» стало скользким и фальшивым, как пластиковая еда. Ложь горчила на языке. — Просто устал. Его взгляд упал на стол. Рядом с хлебницей лежал нож для масла с широким, туповатым лезвием. Он смотрел на него и видел не нож, а три ржавых гвоздя, аккуратно сложенных треугольником на полке в пыльном холле. И слышал не голос матери, а тот костяной, вибрирующий звук, что прошелся по его нервам в последний миг перед побегом. Он встал так резко, что стул скрипнул. — Мне надо. — Даня?.. Но он уже шел в комнату, хлопнув дверью. Прислонился лбом к прохладному дереву. Сердце колотилось где-то в горле. Страх — вот что это было. Чистый, неразбавленный животный страх, который он не испытывал, наверное, с тех пор, как в пять лет потерялся в лесу. Но тот страх был простым: темно, один, мамы нет. Этот — сложный, ядовитый. Он был не от неизвестности, а от узнавания. От понимания, что в привычный, выверенный мир вломилось нечто, для чего в этом мире нет ни названия, ни места. В кармане завибрировал телефон. Общий чат. Рома скинул скриншот какой-то креповой картинке с текстом: «Аномальные зоны города». Никита: «Ребят, я, кажется, заболел. Голова раскалывается. Сегодня никуда не смогу». Настя тут же ответила: «Отдыхай, Никит! Все будет хорошо. Это просто реакция на вчерашний стресс и недосып». Она добавила ссылку на статью про «панические атаки и массовые галлюцинации». Даня закрыл глаза. Нет. Это не галлюцинация. Они все видели одно и то же. Или нет? — - Настя целый день провела в тишине читального зала центральной библиотеки. Запах старой бумаги и пыли успокаивал. Здесь все было по полочкам. Упорядочено. Логично. Она просматривала подшивку местной газеты «Вестник» за 1998 -1999 годы. Дрожащие от волнения пальцы листали пожелтевшие страницы. И она нашла. Небольшую заметку на третьей полосе за октябрь 1998-го: «Пропала семья Смирновых. Вечером 12 октября не вернулись домой супруги Смирновы и их пятилетняя дочь Арина. Розыск продолжается». Все. Никаких подробностей. Никаких мистических намеков. В следующем номере — еще одна короткая сводка: «Поиски семьи Смирновых результатов не дали». А потом — тишина. Дело

затерялось в ворохе других происшествий лихих девяностых. Настя выдохнула. С облегчением. Вот оно рациональное зерно. Реальная трагедия, обросшая за годы домыслами и страшилками для подростков. Фотография на полке? Чья-то больная шутка, циничный розыгрыш с использованием старого снимка. А существо в темноте? В полумраке, в состоянии стресса, они могли принять за нечто сверхъестественное крупную хищную птицу, которая могла свить гнездо на карнизе. Или тот самый макет, куклу, подвешенную на леске для того же розыгрыша.

Она аккуратно сфотографировала заметки на телефон, чувствуя, как тяжесть с плеч понемногу спадает. Она была права. Всегда права. Мир управляется законами, а не призраками. Она написала длинное, обстоятельное сообщение в чат, прикрепив фото. Завершила его: «Нам показалось. Наш мозг в состоянии страха ищет знакомые паттерны там, где их нет. Это называется «парейдолия». Мы стали жертвами собственной фантазии и чьего-то дурного вкуса. Давайте забудем этот вечер как дурной сон». Сообщение повисло в воздухе. Первым отреагировал Рома. Не словами. Он скинул три скриншота подряд. С какого-то заброшенного форума, с дизайном начала нулевых. Сообщения: «Был на Орлиной, 10. Часы встали ровно на полночь. Слышал, как в лифтовой шахте кто-то дышит». «Там живет не дом, а голод. Он смотрит через окна». «Не ходите туда одни. Оно запоминает лица. Потом приходит во снах». Последнее сообщение было датировано позавчерашним днем. От пользователя «Shadowchaser». Настя почувствовала, как по спине пробежал холодок. Но тут же отогнала его. Интернет-фольклор. Такие же впечатлительные люди, как Рома. Она набрала ответ: «Рома, это же анонимный форум! Там может писать кто угодно и что угодно! Это не источник!». Рома ответил мгновенно: «А газета 20-летней давности — источник? Там даже не написали, что они пропали именно в доме! Может, их в лесу медведь съел! Мы видели то, что видели. Там что-то ЕСТЬ». Чат взорвался. Никита: «Пожалуйста, не надо больше...». Ярослав: «Рома, завязывай пугать народ. Настя, твои доказательства ничего не доказывают». Катя промолчала. Даня наблюдал за перепалкой, уставившись в экран. Каждое сообщение будто ударило его по вискам. Он видел правоту Насти. И видел правоту Ромы. И от этого ему хотелось разбить телефон о стену. — Вечером они, не сговариваясь пришли на пустырь. Как мотыльки на огонь. Стояли, не глядя друг на друга. Пустырь был пуст, ветер гнал по земле пакет. Дом молчал в отдалении, погруженный в предвечерние тени. Ярослав пришел с большим рюкзаком за плечами. Он молча снял его, расстегнул, достал разобранный арбалет и начал его собирать. Методично, со щелчками и скрежетом. Сухие, деловые звуки нарушали тишину красноречивее любых слов. — Зачем? — тихо спросила Настя. — Чтобы быть готовым, — так же тихо ответил Ярослав, не отрываясь от работы. Его большие, привыкшие к инструменту руки двигались уверенно. — Если это птица — прогоним. Если не птица — убьем. Рома засмеялся, но смех был нервным. — Вот! Дельный подход! А ты, Настя, со своими газетами... Мы же не идиоты. Мы что-то видели. Игнорировать это — глупо. — Видели что? — взорвалась Настя. Ее обычно спокойное лицо покраснело. — Темное пятно! В полутьме! Под влиянием адреналина! Мы напугали друг друга своими же криками! Я проверила информацию! Там нет никаких сатанистов, никаких массовых исчезновений! Одна старая трагедия, которую теперь используют, чтобы щекотать нервы! — А фотография? «Простите нас»? — бросил Рома. — Чья-то больная шутка! — А ощущение? — неожиданно в разговор вступила Катя. Она все это время молча курила, стоя поодаль. Теперь она бросила окурок и растерла его каблуком. — То самое ощущение, будто на тебя смотрят из пустоты? Которое заставляет волосы на затылке шевелиться? Это тоже массовая галлюцинация? Настя замолчала, сжав губы. Она

не могла объяснить ощущение. Даня смотрел на Катю. Она встретила его взгляд. В ее глазах не было насмешки. Была та же потерянности, что и у него. Они понимали друг друга без слов. Они почувствовали одно и то же. Дом дышал. И это дыхание было обращено на них. — Никита не пришел, — сказал Ярослав, закончив сборку и положив арбалет рядом. — Он сломлен. — Он напуган, — поправила Настя. — В страхе есть сила, — мрачно заметил Рома. — А в отрицании — только слепота. Даня не выдержал. — Хватит! — его голос прозвучал резко, заставив всех вздрогнуть. — Мы здесь не для того, чтобы переругиваться. Мы здесь, потому что не можем быть нигде больше. Потому что это место, — он махнул рукой в сторону дома, — не отпускает. Мы можем верить Насте. Можем верить Роме.

Но факт в том, что мы все, — он посмотрел на каждого, — боимся ложиться спать. Так? Молчание. Кивок Ярослава. Презрительное пожатие плечами Ромы, которое было лишь маской. Потупленный взгляд Насти. Катя просто дернула уголок губ — жесткое подобие улыбки. — Значит, проблема не в том, что там было. Проблема в том, что это здесь, — Даня ткнул себя пальцем в висок. — И пока мы не поймем, что это было, мы сойдем с ума. Поодиночке. — Что ты предлагаешь? — спросила Катя. Прямо, без предисловий. — Я предлагаю вернуться, — сказал Даня. И впервые за день холодное ядро в груди дрогнуло, уступая место чему-то твердому, почти решительному. — При свете дня. Всем вместе. С фонарями, с тем, что есть. Не на пять минут. Достаточно, чтобы осмотреться. Найти объяснение. Найти того... филина. Или убедиться, что его нет. Чтобы вычеркнуть это. — Это безумие! — выдохнула Настя. — Это необходимость, — парировал Ярослав. — Я — за. — О да! — воскликнул Рома. — Наконец-то! Катя долго смотрела на Дани. Потом кивнула. Одним движением головы. — Когда? — Завтра. «Утром», — сказал Даня. — Пока светло. Пока... пока у нас еще есть хоть какая-то храбрость. Они разошлись под тяжелым, беззвездным небом. Даня шел домой, и каждый шаг отдавался в нем странным эхом. Он принял решение. Но вместо облегчения его охватило предчувствие, острое и неумолимое, как лезвие. Он чувствовал, как что-то щелкает, как тяжелый замок поворачивает ключ. Не в доме. Внутри него самого. Он обернулся на последнем повороте, чтобы взглянуть на пустырь. Настя быстро шла в сторону дома, укутавшись в куртку. Ярослав грузно шагал в другую сторону, с рюкзаком за плечом. Рома уже скрылся в переулке. Катя стояла на том же месте, где они разговаривали, и смотрела ему вслед. Он не видел ее лица в темноте, но чувствовал ее взгляд. Он помахал рукой — жест, больше похожий на салют. Она не ответила. Просто повернулась и растворилась в сумерках. Ночь пришла не с темнотой, а с тишиной. Даня лежал в кровати, и тишина эта была звенящей, натянутой, как струна. Он боялся закрыть глаза. Но сон настиг его, жестокий и безжалостный. — Ему снился лифт. Старый, обшарпанный, с потрескавшимся зеркалом. Он ехал вниз. Не гудел, а скрипел, будто кости терлись друг о друга. Вместо цифр на табло загорались искаженные лица. Настя, кричащая беззвучно. Рома с широкой, не своей улыбкой. Ярослав с пустыми глазницами. Катя... Катя смотрела на него с укором. А потом табло погасло, и зажглось последнее лицо. Никита. Он плакал кровавыми слезами и шептал: «Почему вы меня оставили? Почему вы все меня оставили?». Лифт остановился. Двери со скрежетом разъехались. В проеме, залитом зеленоватым мерцанием, стояла она. Та самая фигура. Длинные конечности, лоскутья ткани, бледное пятно лица. Она не двигалась. Но из нее исходил тот самый звук. Вибрация. Приглашение. Даня попытался закричать, отползти, но тело не слушалось. Он мог только смотреть, как существо медленно, плавно поднимает одну костлявую руку и протягивает ее к нему. Палец, длинный и сухой, указывал прямо на его грудь. Он проснулся

с воплем, зажатым в горле. Сердце колотилось, выпрыгивая из грудной клетки. В комнате было темно. И тихо. Слишком тихо. Даже мама за стеной не храпела. Он лежал, обливаясь холодным потом, и смотрел в потолок, где в углу теперь отчетливо виделось темное пятно, которого там раньше не было. Или ему казалось? Он схватил телефон. Было 3:17 ночи. В чате светилось новое сообщение. От Никиты. Отправлено десять минут назад. «Мне страшно. Оно в углу комнаты. Оно не уходит. Помогите». Сообщение висело одно, безответное. Даня написал: «Никит, держись. Это сон. Зажги свет». Ответа не было. Он сидел, сжимая телефон в потных ладонях, и смотрел на темное пятно на потолке, пока за окном не начал синеть рассвет. Холодное решение, принятое вечером, теперь казалось не выбором, а единственным оставшимся путем. Они вернутся в дом. Не за ответами. Не за победой. Они вернутся, потому что дом уже вошел в них. И единственный способ выгнать его — встретиться с ним лицом к лицу.

Но Даня, глядя в синеву утра, уже смутно понимал страшную истину: то, что ждет их в доме, уже не будет просто тенью на карнизе. Оно будет ждать их подготовившимся. Оно будет ждать голодным. И он, как лидер, вел своих друзей прямым в его пасть.

Глава 3

Порог

Утро было не солнечным, а фальшивым. Свет лился с неба ровным, безжизненным потоком, не отбрасывая теней. Такой свет бывает перед грозой, когда мир замирает в ожидании удара. Даня вышел из дома с ощущением, что играет роль в плохом спектакле. Он кивнул маме, сказал «пошли с ребятами гулять», и эти обычные слова застряли в городе пробкой. Он шел к пустырю, и с каждым шагом реальность становилась все более хрупкой, как тонкий лед под ногами. Они собрались у дыры в заборе, как и договаривались. Но сегодня это был отряд. Ярослав, нагруженный армейским рюкзаком и арбалетом. Рома с фонарями и ножом. Настя с термосом и распечатками. Никита, бледный и пустой. Катя с монтировкой и прожектором. — План, капитан? — спросила Катя напрямую. — Входим. Осматриваем холл. Ищем объяснение. На все — час. «Никакого героизма», — сказал Даня, заставляя голос звучать ровно. — Понятно? Все кивнули. Даня первым пролез в дыру и помог остальным. Внутри пахло застоявшимся временем. Фонари выхватывали знакомый холл: стойка, полка, следы в пыли. — Ну? — позвала Настя, светя на пустой карниз. — Где ваш филин? Видите? Пусто! — Тряпка не смотрит, — глухо сказал Ярослав, не отрывая взгляда от карниза. Даня разделил группу. С Катей и Ромой пошел к лифтовой шахте. Ярослав остался осматривать стены. Настя и Никита дежурили у окна. Лифтовая шахта была черной дырой. Прожектор Кати выхватил из темноты груды хлама и стальную лестницу, уходящую вниз. На противоположной стене виднелся темный проем — дверь куда-то вглубь. Вдруг со стороны холла раздался резкий свист Насти. Все бросились назад. Никита, прижавшись к стене, показывал на окно. — За окном... тень. Человеческая. «Прошла и растворилась», — с дрожью в голосе сказала Настя. Это был сбой в ее рациональной картине мира. Даня увидел в ее глазах настоящий ужас. — Время вышло, — тихо, но четко сказал Никита. — Час. Я хочу уходить. — Уходим, — решительно сказал Даня. Предчувствие, тяжелое и липкое, обволакивало его. Они потянулись к выходу. Ярослав помог Насте и Никите. Рома полез следом. — Катя, — кивнул Даня ей. — Ты первый, — сказала она. — Я за тобой. Даня не стал спорить. Он подошел к окну и стал вылезать. Его торс уже был снаружи, когда сзади, из глубины дома, раздался звук. Глухой, металлический удар, будто гигантская шестеренка провернулась на один зуб. Звук прошел по всему зданию, заставив задрожать бетон. Даня замер. Обернулся. — КАТЯ! БЫСТРО! Она уже бежала к окну. Ярослав, оставшийся последним внутри, схватил ее за руку, почти бросил к выходу. Катя ловко вскочила на подоконник, просунулась наружу. Даня ухватил ее за куртку, чтобы помочь. И в этот момент мир перевернулся. Окно — тот самый серый прямоугольник выхода — схлопнулось. Не с грохотом. С тихим, влажным звуком, похожим на хлопок ладоней по глине. Бетонная стена вокруг проема поплыла, зашевелилась, как живая плоть, и сомкнулась, наглухо запечатав отверстие. Вместо окна осталась лишь шероховатая, слегка влажная поверхность. Катя повисла в воздухе, наполовину снаружи, наполовину внутри. Ноги ее были в комнате, а туловище — снаружи. Но выхода больше не было. Она оказалась вмурована в стену по пояс. Она вскрикнула от шока. Даня, державший ее, почувствовал, как стена сжимает ее тело. — ДЕРГАЙ! — заорал Ярослав изнутри, ухватив Катю за ноги. Даня изо всех сил потянул на себя. Настя и Рома схватили его сзади. Катя застонала от

боли. Ее тело было сжато невыносимым давлением. — Не могу! — крикнул Ярослав. — Она зажата как в тисках! Лицо Кати побелело. Губы посинели. — Ребята... — хрипло прошептала она. — Отпусти... В ее глазах мелькнуло принятие. Даня в ужасе затряс головой. — НЕТ! И в этот момент стена отпустила. С тем же влажным звуком она отступила, выплюнув Катю наружу. Она вылетела, как пробка, сбила с ног Дани, Настю и Рому. Даня, оглушенный, поднял голову. Там, где секунду назад было тело Кати, теперь зияло круглое отверстие. И из него, из темноты, на них смотрело лицо Ярослава. Его глаза были полны ужаса. Он протянул руку. — ХВАТАЙ! — закричал Даня, вскакивая.

Рома и Даня ухватились за его руку. Они тянули изо всех сил. Ярослав был зажат невыносимо, бетон сжимал его, как тиски. Он стиснул зубы. — Не... отпустите! — прохрипел он. Стена сжалась в последний раз — и отпустила. С отвратительным влажным звуком она вытолкнула Ярослава наружу. Он вылетел, сбив с ног всех троих. Они лежали на земле, дыша, как загнанные звери. Ярослав поднялся первым. Он стоял, шатаясь, сжимая предплечье. Ткань куртки и плоть под ней были страшно содраны, будто его вытягивали сквозь терку. Из-под ткани проступала алая кровь. Но он был жив. Он был снаружи. Все обернулись к дому. Там, где было окно, теперь была гладкая, чуть влажная стена. Отверстие бесследно исчезло. Дом захлопнулся. Но добычу ему не отдали. Ярослав, тяжело дыша, посмотрел на свою окровавленную руку, потом на глухую стену. — Оно... пыталось меня проглотить, — хрипло сказал он. — Как питон. Чувствовал, как кости трещат. Он выжил. Но дом оставил на нем свою метку. Они стояли в узком пространстве между стеной дома и забором. Выхода на пустырь через то же отверстие в заборе больше не было — оно тоже исчезло. Они были заперты. Не в доме. Вокруг него. Правило №1, которое дом преподал им только что: Вход — свободный. Выход — платный. Первая плата была потребована. И они ее только что не заплатили до конца.

ГЛАВА 4

ПЕРВАЯ НОЧЬ

Тишина после захлопывания окна была оглушительной. Её нарушало только тяжёлое, свистящее дыхание Ярослава. Он стоял, согнувшись, сжимая окровавленное предплечье. Катя поднялась с земли, её лицо было пепельным, но она молча подошла к нему, сняла с шеи шейный платок и туго перетянула рану. — Спасибо, — хрипло сказал Ярослав, не глядя на неё. — Не за что, — так же тихо ответила Катя. — Ты тянул меня. Я тянула тебя. Квиты. Даня подошёл к тому месту, где было окно. Он провёл ладонью по шершавому бетону. Он был сухим, холодным и абсолютно целым. Ни шва, ни трещины. Он ударил по нему кулаком — глухой, безнадёжный стук. Потом ещё раз, уже изо всех сил. Боль пронзила костяшки, но стена не дрогнула. — Не надо, — сказала Настя. Голос её был тонким, надтреснутым. — Это бесполезно. Она смотрела не на стену, а куда-то внутрь себя, будто её внутренний компьютер давал сбой. Её теория разбилась о реальность живого, движущегося дома. Рома подбежал к противоположной стене, к тому месту, где они пролезли с пустыря. Там тоже была лишь глухая бетонная поверхность. Забор исчез, растворился, будто его и не было. — Мы... мы в коробке, — прошептал он, и в его голосе впервые не было лихорадочного азарта, а была плоская, детская растерянность. — Как пауки в банке. А дом — в середине. Они стояли в узком, длинном дворе-колодце. Десять этажей бетона возвышались над ними с одной стороны. С другой — такая же глухая стена, отгораживающая их от мира. Сверху — узкая полоска белесого неба. Колодец. Никита тихо плакал, сидя на земле, прислонившись спиной к стене. Он не издавал звуков, просто слёзы текли по его грязным щекам, оставляя светлые борозды. Даня оторвал взгляд от стены. Он должен был действовать. Лидер. — Всем сюда, — сказал он, отходя в самый центр пространства, подальше от стен, которые только что пытались их поглотить. Они медленно собрались вокруг него, как стадо, ищущее защиты. Ярослав сел на землю, прислонившись спиной к рюкзаку, лицо его было покрыто испариной от боли. — Слушайте, — начал Даня. — Паника нас убьёт быстрее, чем что бы то ни было. Мы заперты. Факт. Но мы не в доме. Мы снаружи. У нас есть снаряжение, вода, еда. У нас есть друг друга. Он смотрел на каждого, стараясь встретиться взглядом. — Настя, как с ресурсами? Она вздрогнула, словно её выдернули из транса, и автоматически открыла свой рюкзак. — В термосе чай, ещё тёплый. Бутерброды с сыром и колбасой — шесть штук. Две шоколадки. Вода — только у меня одна маленькая бутылка. — У меня литр в рюкзаке, — сказал Ярослав, кивнув на свою поклажу. — У меня тоже, — добавила Катя. — Аптечка? — спросил Даня. — Базовая, — ответил Ярослав. — Бинты, зелёнка, пластырь, обезболивающее. Даня кивнул. Не идеально, но на день-два есть. — Хорошо. Первое — обработать рану Ярослава. Катя, поможешь? Она молча кивнула, уже роясь в своём рюкзаке. Достала бутылку с водой и небольшую аптечку. — Второе, — продолжал Даня, — нам нужен план. Мы не можем сидеть здесь и ждать. Нас искать начнут не раньше завтрашнего вечера. И искать будут на пустыре, а не здесь. Значит, рассчитываем только на себя. — Что мы можем сделать? — спросил Рома. Он снова пытался казаться деятельным, но его глаза бегали по стенам. — Проломить стену? Мы не экскаватор. — Исследовать, — чётко сказала Катя, не отрываясь от перевязки. Ярослав вздрогнул, когда она лила воду на рваную рану, но не издал ни

звуча. — Этот двор — часть ловушки. У ловушки всегда есть устройство. Надо его понять. — Она права, — сказал Даня. — Мы осматриваем периметр. Ищем хоть что-то — дверь, решётку, щель, трубу. Всё, что может быть выходом или дать нам информацию. Делимся. Ярослав отдыхает. Кто со мной? — Я, — сразу сказала Катя, затягивая узел на бинте. — И я, — встал Рома, хватаясь за идею действия как за соломинку. — Я... я лучше посижу с ним, — тихо сказала Настя, глядя на бледное лицо Ярослава. Её потребность заботиться пересилила страх. Никита просто покачал головой, уткнувшись лицом в колени. Даня, Катя и Рома двинулись вдоль стены, которая когда-то была забором. Они шли в полной тишине, ощупывая каждый сантиметр шершавого бетона. Он был однородным, холодным, мёртвым. Ни щелей, ни выступов. Через двадцать шагов они упёрлись в угол. Угол был абсолютно прямым, острым, неестественно правильным. Обойдя его, они увидели то же самое: длинная стена, а в конце — ещё один угол. Двор был идеальным прямоугольником. Колодцем. С неба, по узкой полоске, на них смотрели окна дома. Все — наглухо забитые фанерой или зияющие чёрными дырами. Ни одного намёка на жизнь. — Смотри, — Катя остановилась и указала вверх. На уровне примерно третьего этажа из стены торчала ржавая железная скоба. А чуть выше — ещё одна. Потом — перерыв. Это могли быть остатки старой пожарной лестницы, которую демонтировали, но несколько креплений забыли. — Туда не забраться, — тут же заключил Рома. — Выше нет. И от стены дома они далеко. Метра полтора. Не прыгнешь. Они завершили круг, вернувшись к месту, где остались другие. Полный круг занял меньше пяти минут. Тупик. Абсолютный.

ГЛАВА 5

Слёзы камня

Плач не смолкал. Он висел в ледяном воздухе двора, проникал под кожу, в кости, заставляя зубы стучать в такт его причитаниям. Это был звук запредельного горя, от которого не спрятаться. — Заткните её! — взвизгнул Рома, прижимая ладони к ушам. Его храбрая маска треснула окончательно. — Она сводит меня с ума! — Молчи, — прошипела Катя, не отрывая взгляда от мокрой стены. Её пальцы судорожно сжимали рукоять монтировки. — Шум её не остановит. Даня понимал её. Шум привлекал внимание. Но что делать? Слушать этот плач до рассвета было равносильно медленному помешательству. Он посмотрел на Ярослава. Тот сидел с закрытыми глазами, дыхание было частым и поверхностным. Под бинтом на его предплечье проступал тёмный, почти чёрный влажный след. — Ярослав, — тихо позвал Даня. — Ты говорил, она идёт за тобой. Что это значит? Ярослав медленно открыл глаза. В тусклом свете фонарика они казались стеклянными, невидящими. — Она... голодная, — прошептал он. — Ей нужно тепло. Человеческое тепло. Души. Та рана... она как открытая дверь. Она чувствует меня. Слышит стук моего сердца. И ей нравится этот звук. Настя, сидевшая рядом с ним, инстинктивно отодвинулась на полсантиметра. Потом, осознав это, покраснела от стыда и снова придвинулась ближе. — Это невозможно, — сказала она, но в её голосе не было прежней уверенности. — Это акустическая иллюзия. Конденсат на холодной стене и ветер... — Какой ветер, Настя? — резко оборвал её Рома, указывая пальцем вверх на неподвижную полоску неба. — Тут ветра нет! Воздух как в могиле! Это не иллюзия! Это она! Плач внезапно оборвался. Наступила тишина, ещё более пугающая. Свет фонарика дрожал на мокром пятне. И тогда они увидели, как влага на стене перестала течь. Она стала собираться, сгущаться. Капли сливались в более крупные, тяжёлые. А потом одна из этих капель, тёмная, как смола, отделилась от стены и упала на землю. Прямо перед ними. Она не впиталась в землю. Она лежала, как живая ртуть, маленькая чёрная лужица. И из неё потянулся тонкий, едва заметный парок. — Никто не дышит, — скомандовал Даня ледяным голосом. Все замерли, затаив дыхание. Парок от капли слабо колыхался, но не рассеивался. Он тянулся... к Ярославу. К его забинтованной руке. Ярослав сжал зубы и отполз назад, прижимая руку к груди. Парок на миг застыл, будто дезориентированный, потом снова потянулся к нему, но уже слабее. — Она ищет по теплу, — тихо сказала Катя. — Как змея в темноте. — Что мы делаем? — спросил Рома, и его голос сорвался на фальцет. — Ждём, пока ещё этих... слёз не накапает? Даня быстро соображал. Инстинкт кричал бежать, но бежать было некуда. Оставалось только атаковать или защищаться. — Земля, — сказал он. — Засыпаем её. Он сгрёб ладонью горсть сухой пыли с земли и бросил на чёрную каплю. Пыль покрыла её, парок исчез. Но через секунду пыль сверху потемнела, пропитавшись влагой. — Не помогает, — констатировала Катя. — Нужно тепло убрать. Потушить фонари. — В темноте? — панически прошептал Никита, первый раз заговорив за много часов. — Нет, нет, пожалуйста... — Не все, — сказал Даня. — Один. Самый слабый. Остальные тушим. И... отходим от Ярослава. На метр. Не дальше. Это было жестоко. Он видел, как Настя сжала губы, а в глазах Ярослава мелькнула боль не только физическая. Но это было необходимо. — Это не личное, — твёрдо сказал Даня, глядя на него. — Это тактика. Ярослав молча кивнул. Он был солдатом. Он

понимал. Даня оставил самый тусклый фонарик, положив его на землю в противоположном конце их маленького лагеря. Остальные потушили. Тьма навалилась, густая, почти осязаемая. Теперь их было видно лишь как смутные силуэты. Ярослав сидел чуть в стороне, сгорбившись над своей раной. Ждали. Минуту. Две. Тишина была оглушительной. Потом снова послышалось шуршание. Но уже не плач. Шуршание сухих листьев, хотя листьев здесь не было. Оно доносилось от стены. В темноте, где раньше было мокрое пятно, теперь виднелось слабое, фосфоресцирующее свечение. Бледно-зелёное, мертвенное. Оно складывалось в знакомый силуэт: высокая, худая женская фигура, прильнувшая к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.